

Заключение

Изложенные размышления о феномене «новых людей» при всей их разнородности, обусловленной прежде всего разнообразием самих рассматриваемых субъектов – личностей и социальных типов, представляют из себя и нечто общее. Во-первых, большинство из них являют собой разнообразные проявления широко вошедшего в русскую словесность типа городского жителя – разночинца прежде всего. Во-вторых, литераторы 40-х – 60-х годов обнаружили у этих субъектов черты национального сознания, ранее не замечаемые. Это, прежде всего – склонность не просто к рефлексии, но к рефлексии, зачастую переходящей в солипсизм; намерение и способность доведения отдельных своих желаний и интересов до состояния разрушительной страсти; использование внешних средств и возможностей (то есть, не только личностных качеств, но денег и власти) для подчинения себе другого человека (людей), и иногда – тотального господства над ними. При этом обнаружилось, что наличные общественные «рамки» (принятые в обществе традиции, людские привычки, формы поведения), которые раньше если не вполне удерживали, то все же заставляли личность субъекта-господина с собой как-то считаться, «рамки» эти теперь от «излишеств» (неудержимого распространения разного рода проявлений «я» человека-господина на внешний мир) ничего не удерживают, уничтожаются. В этом смысле, явления Анны Карениной (разрушающей привычные «рамки» любовных отношений и материнской любви), Рахметова (сметающего «рамки» общепринятых норм морали, общежития и общения), градоначальников Щедрина (вообще беззастенчиво ставящего все вокруг себя с ног на голову), Раскольников (ради собственной «подпольной» мысли приносящего в жертву чужую жизнь), Катерины (ради свободы своей личности уничтожающей собственную жизнь) и Варравина (для удовлетворения собственной корысти организующего и использующего мощь государственной машины) – все эти явления из одного ряда. Все эти

герои, говоря словами Достоевского, «признали за собой право» и оказались способны «переступить».

При этом примечательно, что многие философствующие авторы, значительную часть своего творчества посвятившие изобретению нового «гомункулюса» (Чернышевский и Достоевский, прежде всего), почти не задаются вопросом: «имеет ли право» на такое «возведение в степень» своих личных качеств и желаний этот «новый человек». Более того: это право молчаливо либо открыто, с обоснованием, признается, а иногда, как у автора «Что делать?», даже провозглашается правом единственно возможным, необходимым и полезным для «прогресса». В этом случае это «право» наиболее радикальной читающей публикой, которой было много в России во второй половине XIX – начале XX века, даже возводится в идеал¹. И, тем самым ветхозаветный Адам, а равно и Христос, кажется, навсегда устраняются с подмостков общественной жизни, а их место занимают отчасти фанатично настроенные, отчасти больные, отчасти уголовные, но всегда морально ущербные Веры Павловны, Рахметовы, Раскольниковы, Тарелкины и Варравины. А с ними в российскую действительность широким потоком вливаются и распространяются их духовными родственниками новые, прежде невозможные формы социального бытия.

Забегая несколько вперед, выскажу предположение: то, что начало происходить со страной со времени второй (февраля 1917 года) революции и Октябрьского переворота, в немалой степени – идейно – готовилось именно фантазиями «изобретателей» разного рода «новых» и «подпольных» людей. Разрушительная активность низовых российских масс, с наслаждением громивших отечественное «сегодня», никогда бы не вышла за пределы очередного «стенкиразинского» бунта, если бы не руководилась повелениями, исходящими от литературно и философски обработанных мозгов разночинных российских «верхов» с их идеей светлого «завтра».

¹ В этом смысле – от студента Раскольникова до студента и письмоводителя мирового суда Каракозова, стрелявшего у ворот Летнего сада в Александра II – короткий прямой путь.